

Д.С.Мережковский против «Вех»

В 1914 г. Мережковский публикует одну из своих последних статей, посвященных русской литературе – «Две тайны русской поэзии. Некрасов и Тютчев». Размышляя о религиозном смысле самодержавия и определяя позицию Тютчева в этом вопросе, он делает неожиданный гневный выпад: «Между тем как новые славянофилы (Булгаков, Бердяев, Эрн, Флоренский и все вообще "веховцы") косноязычно мямлят, – Тютчев говорит ясно и отчетливо: самодержавие с православием связаны как внешность и внутренность, форма и содержание, тело и дух»¹.

Обращает на себя внимание резкость, с которой Мережковский говорит об авторах «Вех» через столько лет после выхода книги в свет. Объяснением ей может быть та роль, которую эта книга сыграла в его творческом мире. «Вехи» были посвящены главным темам, над которыми Мережковский размышлял на протяжении почти двадцати лет. Кажется, нет ни одного литературно-критического исследования, ни одной публицистической статьи, пьесы, где бы он не говорил о мессианской роли интеллигенции, об ее избранности, о призванности стать силой, способной изменить Россию. Мысль о религиозной общественности, к которой, будто бы, стремилась вся русская культура, болезненно преодолевавшая безобщественность и безрелигиозность, надолго определила направление интеллектуальных поисков Мережковского. Их отличительной особенностью была тесная связь с изучением истории литературы. Переосмысливая жизненный и творческий путь русских писателей, он сводил ценность сделанного ими к тому, какой вклад они могли бы внести в создание нового религиозного сознания.

Обычно Мережковский высказывался по этому поводу неясно, избегая прямой постановки проблемы, бросая образные намеки, риторические вопросы, восклицания. Впервые ясно сформулировал свое понимание сущности русской интеллигенции в статье «Грядущий Хам» (1906). Опираясь на переписку

Герцена с Бакуниным, он показывает губительный характер «бессознательной религиозности» и видит путь к ее преодолению в создании «религиозной общественности». Эта идея так и осталась кабинетной идеей Мережковского. Впечатление от его книги ограничивалось недоуменными вопросами к Гиппиус о том, что такое «хамовина», которой Мережковский всех пугает. Однако для него это был своего рода выход из тех противоречий, в которые он впадал, полагаясь на самодержавие («Л. Толстой и Достоевский»), затем развенчивая его («Христианство и государство»), возвышая Достоевского («Достоевский») и уничтожая его как мыслителя («Пророк русской революции»), обвиняя Белинского («Гоголь и черт») и оправдывая его («Грядущий Хам») и т.д.

Между тем оказалось, что в интеллектуальных спорах той поры не только представление о религиозной общественности, но даже само понимание сущности интеллигенции не было единым. Свидетельством этому может быть редкая в наследии Мережковского статья «Интеллигенция и народ» (1908), написанная, видимо, по свежим впечатлениям от заседания религиозно-философского собрания. Редкая потому, что его представления о народе всегда были абстрактными, он не становился предметом его размышлений с тех пор, как Мережковский потерял интерес к народничеству. Ни увлечение Н. Михайловским, ни поездка к Василию Сютаеву, ни хождения по деревням Уфимской и Оренбургской губернии, ни беседы с крестьянами, о которых он так любовно говорит в «Автобиографической справке», не сделали его представления более внятными, а статьи, скажем, «Крестьянин во французской литературе», свидетельством действительного понимания проблемы. И в статье 1908 г. он рассматривает народ как эстетическую оппозицию русской интеллигенции, противопоставляя Белинского мужику Марею, «спасшего ребенка-Достоевского от волка».

Его крайне удивляет, что противниками интеллигенции оказались интеллигентные люди: «Поднимается один интеллигент, другой, третий... В различных одеждах, различного положения, даже с различными мыслями... тут и "кающийся дворянин", и бывший марксист, сбитый с толку, и молодой

позитивист «с вопросами», и студент, который завтра застрелится». Объявляя, что интеллигенции не существует, «захудалый интеллигент, выйдя из подъезда Географического общества, побежит в своей шубенке ”на рыбьем меху” в дальний конец города совершенно таким же интеллигентом, со своими интеллигентскими чувствами и психологиями, в квартиру придет непременно интеллигентскую и жене о собрании будет рассказывать интеллигентскими словами. Интеллигентство сидит у него не в шубе, на каком бы она меху ни была, сидит даже не в умствованиях его, а в душе, в крови. Там же сидит у него и народ...»².

Признавая правоту А.Блока, увидевшего в интеллигенции и народе «не только два понятия, но две реальности», Мережковский предлагает похоронить в общественном сознании «интеллигентщину», а не интеллигенцию, которая «еще далека от народа, но они тянутся друг к другу <...> Они оба, – интеллигенция и народ, – если еще не знают, то чувствуют, всегда чувствовали, что, как ни далеки, как ни различны, – необходимы друг другу <...> как две половины одной и той же души, – для утверждения друг друга в единой России». Его крайне удивляют и попытки возложить часть ответственности на Петра Великого, которого он называет предшественником Пушкина и всей русской интеллигенции. «Я – сын Петра, все мы, как мы есть, дети Петра, и от него не откажемся. Но я тоже и сын России, и от нее не откажусь. Во мне самом Петр борется с Россией, и борьба еще не кончена»³.

Думается, выход в свет «Вех» оказался для Мережковского серьезным ударом. Не случайно статья, непосредственно посвященная этой книге, «Семь смиренных», получилась такой беспомощной. Прежняя ясность, аргументированность, точность в выражениях сменились игрой цитат, умствованиями, какой-то высокомерной отстраненностью от предмета полемики. В заголовке статьи обыгрывается число авторов «Вех», в статье семь разделов, в ней семь раз повторяется слово «смиренный», Бердяев, Булгаков, Гершензон, Кистяковский, Струве, Франк и Изгоев сравниваются с семью цветами радуги. Но стройность композиции не свидетельствует о четкости

мышления и решимости дать бой оппонентам. Публикуя «Семь смиренных», Мережковский уже знал, что этот спор он проиграл: потому в статье нет полемического задора. Авторы «Вех» помещены в сон Раскольникова, ответом им становится библейский текст, функцию настоящих доказательств выполняет комментарий к фрагментам их статей. Получив удар в самый центр своей концепции, по идее религиозной общественности, он принимает снисходительно-равнодушный тон, говорит: «семь няnek семью песенками баюкают дитя» или «люби кататься – люби саночки возить», а спор ведет в таком духе: «Что Петр Великий – “первый русский интеллигент”, Гершензон слышал, кажется, между прочим, и от пишущего эти строки» и т.д. Сквозь метафоричность и игру цитатами в статье все же проступает горькая обида Мережковского на людей, которых он считал своими единомышленниками. Он, пожалуй, впервые полемизирует, используя совершенно нехарактерную для него лексику: «Петр – муха, раздавленная Гершензоном»; «не дурак же и пошляк Достоевский»; «Полноте! Не хуже вас там люди были. Стерпится – слюбится»⁴, выдающую всю его досаду и горечь.

Единственный фрагмент статьи, в котором Мережковский снимает маску отстраненного, равнодушно взирающего на то, что пишут непонимающие авторы «Вех», связан с понятием революционного. «Существуют два понимания всемирной истории: одно, утверждающее “бесконечность” и “непрерывность” развития, ненарушимость закона причинности; <...> другое – утверждающее “конец”, “прерыв”, преодоление внешнего закона причинности внутренней свободой, то вторжение трансцендентного порядка в эмпирический, которое кажется “чудом”, а, на самом деле, есть исполнение иного закона, высшего, несоизмеримого с эмпирическим: свобода Сына не нарушает, а исполняет закон Отца. Первое понимание – научное, *эволюционное*, второе религиозное, *революционное*». В этом смысле каждый из авторов «Вех», осуждающий революционные настроения в среде интеллигенции, кажется ему противником христианства, выраженной в Апокалипсисе идее конца. «Где же и зародилось революционное понимание всемирной истории, как не в

христианстве? – восклицает он. – <...> Только у христианских народов начинается <...> всемирное революционное движение, как вечное искание Града Божьего, как сознательно или бессознательно воплощаемая эсхатология»⁵. Непонимание такого характера всей русской истории и единственно возможного движения в будущем Мережковский называет «медвежьей услугой религиозному сознанию русской интеллигенции», которая не сможет открыть тайный смысл своего безбожия, чтобы принять участие с русским освобождении.

Со своим поражением Мережковский не смирился. Уже через несколько месяцев он публикует статью «К соблазну малых сих», в течение ближайших лет множество статей, где в той или иной форме проговаривает одни и те же тезисы и антитезисы, ищет противников, пророков, предрекая скорое революционное разрешение общественных противоречий. Однако настоящим ответом авторам «Вех» стал «Завет Белинского. Религиозность и общественность русской интеллигенции» (1914).

Что «Вехи» все это время были в поле его напряженного внимания, свидетельствует начало статьи, впервые прочитанной Мережковским как публичная лекция. «В последнее десятилетие, с 1905 года, немало попыток сделано для того, чтобы доказать, что <...> произошло банкротство не какой-либо частной интеллигентской идеологии, а самой интеллигенции, – именно здесь, в ее живом сердце, в ее связи с народом. Вы, конечно, помните «кающихся интеллигентов», ”веховцев” – Булгаковых, Эрнов, Струве, Гершензонов, Евг. Трубецких, Флоренских и проч., и проч., которые уверяли нас, что в освободительном движении интеллигенция обнаружила, перед лицом народа, свое ничтожество, что интеллигенция разгромлена окончательно. “Кающиеся интеллигенты” – ученики Достоевского»⁶.

«Завет Белинского» написан на материале переизданных в 1914 г. писем критика. Называя Белинского «прообразом всей русской интеллигенции», Мережковский противопоставляет его Достоевскому, считавшему, что «русская интеллигенция – ложное сознание, преступная совесть России».

Непоследовательность, отсутствие привычки к систематическому образованию, радикализм, самонадеянность, отвлеченность русской интеллигенции, которые так беспощадно обнажены в «Вехах», Мережковский обнаруживает и в Белинском. Однако его оправдывает перед новыми поколениями тайная религиозность совести, которую не увидел в нем Достоевский. Под оппозицией «Белинский – Достоевский» подразумевается современное ему противостояние: подлинная интеллигенция – авторы «Вех», и правота, разумеется, на стороне первых. Из писем Белинского Мережковский отбирает только те фрагменты, которые подтверждают эту концепцию, и образ критика, созданный в статье, далек от подлинного исторического лица. Но это и не было целью Мережковского. Главное состояло в том, чтобы подкрепить мысль о бессознательной религиозности Белинского, следовательно, и его наследников, и доказать, наконец, неверующим, что достаточно уничтожить противоречие между совестью и сознанием, и интеллигенция будет готова совершить религиозную революцию.

В «Завете Белинского», написанном, в отличие от статьи «Семь смиренных», гораздо убедительней, Мережковский прибегает к своеобразной уловке. Не он, «интеллигент, самый захудалый, в пальтишке даже совсем без меха»⁷ спорит с «Вехами» – вся русская литература в лице Белинского и Достоевского ведет спор о сущности русской интеллигенции, и разумеется, у каждого из участников полемики есть своя правота. Если неправ Мережковский, то неправ и Белинский, а в союзе с ним быть оспоренным не так уж страшно. Этот же прием он использует в двух пьесах, написанных в те же годы, – «Романтики» и «Будет радость». Первая писалась по переписке Белинского и архиву семьи Бакуниных, в основе второй лежат сюжеты произведений Достоевского. Таким образом, полемика из области публицистической переходит в эстетическую, а обвинения авторов «Вех» оказываются совсем уж несостоятельными, если герои первой пьесы так одухотворены и способны на «порывания к мирам иным», а второй – погибают под тяжестью идей Достоевского.

Пренебрежительная реплика о «всех вообще “веховцах”» в статье «Две тайны русской поэзии. Некрасов и Тютчев» свидетельствует о том, что Мережковский чувствовал себя победителем в долгом споре с авторами этой книги. Задумываясь над причинами беспомощности интеллигенции перед лицом общественных потрясений, авторы «Вех» подвергли беспощадной критике ее мировоззрение, преобладание общественной жизни над жизнью духовной, внутренней, приведшее к глубокому кризису. Правота «Вех» требовала от русских интеллигентных людей не «бессознательности» в ее чувствованиях и поступках, а осознанной работы над собой, систематического образования, постепенности, духовного роста. В мире абстрактных представлений Мережковского, где место реальности занимали Царство духа или Третьего Завета, тайная религиозность русской культуры, пророчествовавшей якобы о скором религиозном перевороте, образы святых, указывавших путь к концу, такие ясные выводы казались неуместными, кощунственными. «Вехи» стали книгой «предостережений», но Мережковский не хотел их слышать. Величие перспективы, которую он намечал для России, да и для всего человечества, было совершенно несовместимо с тем вдумчивым анализом, который предложили «Вехи».

Спор Мережковского с «Вехами» разрешила русская история. И хотя в эмиграции он снова будет говорить, что «переход из одного порядка бытия в другой, из сознательного, “дневного”, в бессознательный, “ночной”, внезапен, как молния. Между этими двумя порядками находится то, что в математике называется “прерывом”, а в религии – “чудом”»⁸, характер совершившегося в России уже не кажется ему «вторжением трансцендентного порядка в эмпирический»⁹. Ужас, который он пережил, когда его пророчество о перевороте свершилось и оказалось не «чудом», а торжеством «грядущего хама», наложил отпечаток на все его последующие исследования. Они не только больше не были посвящены русской интеллигенции: из них исчезли слова «общественность», «интеллигенция» и «бессознательная религиозность». Их заменили «всемирность», «человечество» и «религиозная истина».

Примечания

1. *Мережковский Д. С.* Две тайны русской поэзии. Некрасов и Тютчев // Д.С.Мережковский. В тихом омуте. Статьи и исследования разных лет. Сост. Е. Я. Данилова. М., 1991. С. 471.
2. *Мережковский Д.* Интеллигенция и народ // Речь. 1908. № 279. 16 ноября. С. 2.
3. Там же.
4. *Мережковский Д.* Семь смиренных // Речь. 1909. № 112. 26 апреля. С. 2.
5. Там же.
6. *Мережковский Д. С.* Завет Белинского. Религиозность и общественность русской интеллигенции // Мережковский Д.С. Вечные спутники. Роман. Стихотворения. Литературные портреты. Дневник / Сост., примеч. Т. Ф. Прокопова; вступ. ст. Н. М. Солнцевой. М.: Школа-Пресс, 1996. С. 489–490.
7. *Мережковский Д.* Интеллигенция и народ // Речь. 1908. № 279. 16 ноября. С. 3.
8. *Мережковский Д. С.* Испанские мистики. Маленькая Тереза / Под ред. и со вступ. ст. Т. Пахмусс. Брюссель: Жизнь с Богом, 1988. С. 374.
9. *Мережковский Д.* Семь смиренных // Речь. 1909. № 112. 26 апреля. С. 2.